

Из жизни А.П. Чехова. К сорокалетию со дня смерти. 1904 – 15 июля – 1944 // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1944. 16 июля. № 11768. С. 2, 8.

Из жизни А. П. Чехова

К СЮРОКАЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

1904 — 15 июля — 1944

А. П. Чехов

Однажды Чехову сказали: — Скоро, Антон Павлович, юбилей наш будем праздновать.

— Знаю я эти юбилеи, — ответил Чехов, — браят человека двадцать пять лет на все корки, а потом дарят ему гусиное перо из алюминия и целый день несут над ним, со слезами и пошелуями, восторженную ахинею.

— Читали, Антон Павлович, что о вас пишут, — спросили Чехова.

— Покорно вас благодарю, — ответил он, — напишут о комнибудь тысячу строк, а внизу прибавят: а то вот еще есть писатель Чехов-нытик.

Обычно всегда спокойный, Чехов только однажды возмутился характеристикой его таланта в одной книге, где говорилось «о равнодушии» Чехова к вопросам нравственности и общественной и о его минимом пессимизме. Его возмнение сказало только в двух сурово сказанных словах: «Форменный идиот».

Однажды в Петербурге, в редакцию «Осколков» пришел А. П. Чехов; здесь Лейкин похвастался перед Чеховым прекрасным рассказом, присланным в «Осколки» неизвестным, еще начинающим автором из Царского Села. Чехов захотел прочитать рукопись. Оказалось, что это был просто на просто один из его (Чеховских) собственных очерков, старательно переписанных с печатного и подписанный неведомой фамилией.

Осенью Чехов возвращаясь из Москвы, только что приехав на пароходе из Севастополя в Ялту и еще не успев сойти с палубы. На пароходе происходила суматоха. В это время татарин-носильщик, всегда услуживавший Чехову и уважавший его издала, забрался на паром, развлекал А. П. и уже готовился нести вниз, как на него налетел свирепый помещик капитана и, неистово ругаясь, ударил татарина по лицу. Татарин бросил себя в груды кулаком и закричал на всю пристань: — Что ты бьешься? Ты думаешь, ты меня ударил. Ты вот кого ударил, — и показал пальцем на Чехова. Чехов, весь бледный, подошел к помощнику капитана и тихо с необычайным выражением сказал ему: «Как вам не стыдно». Моряк что-то забормотал, замешался и вдруг испарился. Больше его на палубе уже не видели.

Чехов, обычно стыдливый и холодно равнодушный к похвалам, которые ему расточали, однажды сказал: — Якасно люблю читать, что обо мне одесские репортеры пишут.

— Почему так — спросили его.

— Смешно очень. Все врёт. Ко мне прошлой весной явился один из них в гостиницу. Просит интервью. А у меня как раз времени не было. Я и говорю: извините, я теперь занят. Да, впрочем, пишите, что хотите. Ну, уж он и написал. Меня даже в жар бросило.

Однажды Чехов с самым серьезным лицом сказал: — Что вы думаете, меня ведь в Ялте каждый извозчик знает. Так и говорят: — А-а, Чехов, это который читатель. Знаю. Почему-то называют меня читателем. Может быть, они думают, что я по покойникам читаю. Вот вы бы, батенька, — сказал он, — обращаясь к Куприну, — спросили когда-нибудь извозчика, чем я занимаюсь.

Один «тамбовский помещик», как окрестил его Чехов, приехал к нему за врачебной помощью. Тщетно А. П. уверял, что он давно бросил практику и отстал в медицине, напрасно рекомендовал обратиться к более опытному доктору. — «тамбовский помещик» стоял на своем: никаким докторам, кроме Чехова, он не хотел верить. Волею неволею пришлось дать ему несколько незначительных, совершенно невинных советов. Прошавшись, «тамбовский помещик» положил на стол два золотых и, как его ни уговаривал А. П., ни за что не соглашался взять их обратно. Антон Павлович принужден был уступить. Он сказал, что не желая и не считая себя в праве брать эти деньги, он возьмет их на нужды ялтинского благотворительного общества, и тут же написал расписку в их получении. Оказывается, только того и нужно было «тамбовскому помещику». С сияющим лицом он бережно спрятал расписку в бумажник, и тогда уже признался, что единственной целью его посещения было желание приобрести автограф Чехова.

Возвращаясь как-то с прогулки в очень веселом настроении, Антон Павлович с оживлением рассказывал домашним: — У меня была сейчас чудесная встреча. Набережной вдруг подходит ко мне офицер артиллерист, совсем молодой еще подпоручик.

— Вы А. П. Чехов? — Да, это я. Что вам угодно? — Извините меня за навязчивость, но мне так давно хочется пожать вашу руку. — И покраснел. Такой чудесный мальчик и лицо милое. Пожали мы друг другу руки и разошлись.

А. П. Чехов был чрезвычайно внимательным ко всем начинающим писателям. Один такой писатель приехал в Ялту и остановился где-то за Ауткой, наняв комнату в шумной греческой семье. Как-то он пожаловался Чехову, что в такой обстановке трудно писать, и вот Чехов настоял на том, чтобы писатель непременно приходил к нему с утра и занимался у него внизу, рядом со столом.

А когда кончите, непременно прочтите мне или если уедете, пришлите хотя бы в корректуру. Начинаясь беллетристам Чехов говорил: — Не беда, если у вас не совсем выходит. Потом будет выйдти лучше. А главное, не тратьте напрасно молодости и упорности.

— Только спаси вас Бог, — говорил А. П. другим, — читать кому-нибудь свои произведения, пока они не напечатаны, даже в корректуру не читайте.

— Едите почаще в третьем классе, — советовал он третьим.

— Я жалею, что болезнь мешает мне теперь ездить в третьем классе, там иногда услышишь замечательные вещи.

А. П. Чехов твердо верил в медицину. Однажды, когда при нем кто-то начал третировать медицину по роману Золя «Доктор Паскаль», Чехов сказал: — Золя ничего не понимает и все выдумывает у себя в кабинете. Пусть бы он поехал да посмотрел, как работают наши земские врачи и что они делают для народа.

В Петербурге с Чеховым произошел чрезвычайно смешной случай, о котором А. П. много раз добродушно вспоминал: — Сказали мне, что Полонский очень хотел бы со мной познакомиться, и повезли меня (кажется Лейкин, или Голыке), на один из его журфиксов. Ну, приехали мы, знакомимся. При знакомствах всегда называют фамилии так, что ничего не разобрать. Так и тут: послышалось не то Чижов, не то Чехов, Полонский и остальные гости не обратили на меня никакого внимания, и просидел я молча целый вечер в углу, недоумевая, зачем я понадобился Полонскому, или зачем нужно было знакомым уверять меня, что я ему интересен. Наконец стали прощаться. Полонскому стало недовольно и захотелось сказать мне что-нибудь любезное. «Вы, — говорит он мне, — все-таки меня не забывайте, заживайте когда-нибудь, ведь мы с вами, кажется, и прежде встречались, ведь ваша фамилия Чижиков». Нет, Чехов, — сказал я. — Батюшки, что же вы нам раньше этого не сказали... — закричал хозяин, и даже руками всплеснул.

Любопытные воспоминания П. Сергиенко о пребывании А. П. Чехова в Одессе. Как-то,

прогуливаясь с А. П. по Одессе, — пишет Сергиенко, — я сказал, что около Александровского сада есть небольшая кухня-столовая, содержащаяся некоей хохлушкой, и что мне приходилось там превкусно есть малорусские блюда. Чехов остановился.

— И настоящий малорусский ский борщ у нее бывает? — спросил он.

— Почти всегда.

— С бараниной и помидорами?

— Ну, разумеется, со всеми операми.

— Едем к бладеятельнице Ольге Ивановне, — воскликнул Чехов с оживлением.

За обедом речь коснулась театра и чеховских пьес. — В эти дела я попал фиксом, — сказал Чехов. — Театр совсем не мое дело. Я в нем ничего не понимаю, и терпеть не могу театрального мира.

— Почему ты написал «Иванова»? И, говорят, еще пишешь какую-то пьесу? — спросил Сергиенко.

— Это вздор говорят. А с «Ивановым» у меня вышло так. Как-то был я в театре Корша, шла новая пьеса. Вычурная, циничная. Ни складу, ни ладу. А Корш ехидно говорил: «А вот вы, вместо того, чтобы критиковать, лучше бы взяли да сами написали пьесу». — Хорошо, и пишу. — Ответил А. П. Так и произошел «Иванов».

По поводу затеваемого празднования 25-летия литературной деятельности Чехова, А. П. говорил: — Да и откуда взяли, что мой юбилей в этом году (январь 1904 года). Все это таганрогцы выдумали, которые хотят меня чествовать как знаменитого согражданина, а пишут мне, между прочим: А. Н. Чехов. В одном из писем к писателю беллетристу Тихонову. А. П. Чехов сообщает свои биографические данные.

«Вам нужна моя биография. Вот она. Родился я в Таганроге в 1860 году. В 1878 г. окончил курс в таганрогской гимназии. В 1884 г. окончил курс в Московском университете по медицинскому факультету. В 1888 году получил Пушкинскую премию. В 1890 году совершил путешествие на Сахалин и обратно морем. В 1891 г. же совершил турне по Европе где пил крепкое вино и ел устриц. В 1892 году гулял на именинах с В. А. Тихоновым. Писать начал в 1879 году, в «Стрекозе». «Собрания мои суть: «Пестрые рассказы», «В сумерках», «Хмурые люди» и повесть «Дуэль». Грешил и по драматической части, хотя и умеренно. Переведен на все языки за исключением индусских. Впрочем, давно уже переведен немцами. Чехи и сербы также одобряют. И французы не чуужды взаимности. Тайны любви постиг я будучи тринадцати лет. Столбарами, как врачами, равно и литераторами пребываю в отличнейших отношениях. Желал бы получить пенсию. Медицинской занимаюсь, и даже настолько, что случается, летом произвожу судебно-медицинские вскрытия, кои не совершал уже года два-три. Из писателей предпочитаю Толстого, а из врачей — Захарьина».

Однако, все это вздор. Пишите, что угодно. Если нет фактов, то замените их лирикой...»

Антон Павлович, по словам его брата И. П. Чехова, не читал никакой привязанности к врачебной практике. Окончив курс в университете, он повесил на первых вывеску: «Доктор А. П. Чехов», и, по-

видимому, твердо решил быть врачом. Но его первые шаги в этом направлении не были удачны. Практика его началась за тридцать земель от его квартиры, в Лефортове, у учителя кадетского корпуса, а здесь, на первых же порах А. П. написал неверный рецепт. Возвратившись домой, он проверил себя, убедился в ошибке и мучался ужасно. Кончил он тем, что в подночь последние деньги нанял у гостиницы «Саратов» лихача и помчался снова в кадетский корпус, чтобы взять обратно несчастный рецепт. К его удивлению, в аптеку еще не послали.

— Заплатую в граммах не там поставил, — говорил А. П., вот вышла бы катавасия.

В другой раз Антону Павловичу пришлось лечить семейство Я. Лечил он там что-то месяца полтора или даже больше, так как последовательно там заболели тифом мать и три взрослые дочери подряд. Мать умерла. Одна из девочек тоже умерла, но кончина ее была слишком трагической. Она схватила Антона Петровича за руку, да так и умерла держа его руку в своей. На писателя это произвело такое сильное впечатление, что вывеска: «Доктор А. П. Чехов» была снята с его двери и больше уже на ней не появлялась никогда.

Писатель, поэт А. Федоров рассказывает следующий случай из жизни Чехова:

В феврале 1901 года Антон Павлович был в Одессе на обратном пути из Флоренции в Ялту.

Там же он чиновник забрал его портфель с письмами. Некоторые полученные им письма Антон Павлович, всегда любивший порядок, закладывал в конверты. Чиновник стал развешивать конверты, чтобы убедиться в легальности содержания.

Чехов возмущался, и еще более возмущался его спутник.

— Ведь вы, грамотный человек, — пробовал тот урезонить чиновника. — Это Чехов, Антон Павлович Чехов, писатель. Кажется, можно верить ему.

— Не знаю, грамотны ли вы, но я кончил университет, — для меня служба выше всяких Чеховых.

Но, очевидно, чиновник этот понимал службу по своему, потому что начальство, бывшее чиновником выше этого господина, заявило, что эти пакеты останутся неприкосновенными.

— Непременно идо будет рассказ написать, — сказал в заключение Антон Павлович: — очень уж эта характерная у нас наклонность всякого такого ничтожества поиздеваться над беспомощным человеком и показать свою власть.

А. П. Чехов никогда не назначал плату за свои статьи и рассказы. Сколько давали, столько и брал. По этому поводу А. П. Чехов рассказывал поэту А. Федорову следующую историю.

Обратился ко мне издатель одного детского журнала. Дал я ему рассказ. Натягал. Потом на одном из юбилеев, встречаясь с ним, денег у меня было мало, а тут все угощают. Вижу, он ко мне с распростертыми объятиями, и конверт в руках. Ну же, я и обрадовался.

Благодарит, просит и впрямь не оставляет его журнала, и деликатно так, конверт прямо мне в карман. Я даже не посмотрел в первую минуту. Посаживаю себе. С деньгами то на душе так светло, как в ресторанный зале. А прошло время расплачиваться, я за конверт. Разрываю — двадцать рублей. А рассказ порядочного размера был. Вот же я смеюсь. «Будильник» это мне напомнило.

Я было отдать ему хотел назад эти двадцать рублей, да недовольно, обиделся бы, пожалуй.

А. П. Чехов до конца жизни любил читать, как он выражался, «про божественное», но заходя иногда в комнату своей матери, Евгении Яковлевны, и заставая ее за чтением Четьих Минен, Антон Павлович шутил:

— Что это вы, мамаша все про божественное читаете. Почитали бы лучше пьесы господина Чехова.

Однажды Чехов, с двумя братьями И. П. и М. П. пришел в редакцию «Зрителя», где их стали угощать чаем. «Хорошо бы чай с лимоном», — сказал А. П. Через несколько минут Чехову подали лимон, завернутый в испанскую мелким почерком бумагу. Развернув бумагу, Чехов несколько минут читал внимательно написанное, а потом стал громко смеяться. Оказалось, что бумага, которую был завернут лимон, — страничка рукописи рассказа, сланного на днях Чеховым в редакцию «Зрителя» и еще не напечатанного. Редакционный сторож, продавая в ближайшую ларочку ненужные бумаги, захватил с собой и рукопись Чехова.

В московских изданиях уже не мало поработавшему Чехову платили буквально гроши. За свой роман «Драма на охоте», помещенный им в «Новостях Дня», он получал по 3 рубля в неделю. Чтобы самому не терять время на получение «гонорара», А. П. выдавал своему брату М. П. Чехову удостоверение: «Дано студенту Императорского Московского университета Михаилу Павловичу Чехову, право славного вероисповедания, в удостоверение, что он состоит с 1885 г. моим родным братом, и уполномочен мною брать в редакциях, в кои я работаю, денег, сколько ему потребно, что подписать и приложить печати удостоверения. Врач А. Чехов, Москва 1886 г. январь 15 дня».

На свидетельстве была наварена сургучная печать. М. П. с юмором описывает эти визиты в редакции. Бывало, приходишь с этим документом в «Новости Дня», за получением трех рублей и ждешь, ждешь, когда газетчики принесут выручку. Тут же девочка разучивает гаммы и проле.

— Чего же вы ждете? — спросит издатель, которому, наконец, станет желко ожидающих.

— Да вот получить три рубля.

— Да их у меня нет! Где?

— Что это вы, мамаша все про божественное читаете. Почитали бы лучше пьесы господина Чехова.

В те времена Антон Павлович работал не только в «Новостях Дня», но и в «Москве», в «Свете и Тенях» и др.

Работа Чехова в этих органах сблизила его с поэтом Пальминым. Это был горячий пьяница и жил с дамой, которую Антон Павлович прозвал фефетой. Фефета тоже очень пила, и чтобы лишиться раз выпить, она обращалась к Пальмину с фразой:

— Лиодор Иванович, вам не пора ли пиво пить?

Благодаря Пальмину, Чехов был приглашен Лейкиным в его журнал «Будильник». Потом, когда Чехов уже был знаменит, Лейкин как-то в ресторане «Медведь» подвыпил, прослезился, ударил себя в грудь и сказал:

— Это я Чехова родил!

Действительно: настоящая популярность Чехова пошла именно с «Будильника».

Антон Павлович был превосходный актер, но в любительских спектаклях не выступал, зато в собственной семье, чуть ли не каждый день выступал в собственных импровизациях. То он изображал старого профессора и читал лекцию, то выступал в роли зубного врача, то представлял афонского монаха.

Очень у него смешно выходил экзамен на дьякона. Антон Павлович изображал дьячка, а старший брат — архиерея. Вытянув шее, изображая от этого становилась старчески жилистой и изменив до неузнаваемости выражение лица А. П. старческим дребезжащим голосом, как настоящий деревенский дьячок, должен был пропеть перед братом все ирмосы, кондаки и богородичны на восемь гласов, вальхался при этом от страха перед архиереем, ошибался, и в конце концов все-таки удостоивался архиерейской фразы: «во диаконех еси».

Гримировался А. П. так, что его не узнавала даже близкие родные.

Раз он нарядился нищим, (Окончание на 8 странице)

ИЗ ЖИЗНИ А. П. ЧЕХОВА . . .

(Начало на 2 странице)

написал просительное письмо и через весь город отправится к дяде и подал ему письмо. Дядя не узнал его и дал три копейки.

Вообще А. П. любил повеселиться и любил, когда веселились другие. Уже будучи в Мелихове, тяжело больным, он помогал жене нарядиться хулиганом и сам написал для нее просительное письмо:

«Ваше высокоблагородие. Будучи преследуем в жизни многочисленными врагами, и пострадав за правду, потеряв место, а также жена моя больна чревовещанием, а на детях сыпь; потому покорнейше прошу пожаловать мне от щедрот ваших кельхшоз благородному человеку. Василий Спиридович Овоничев».

У Чехова в Петербурге было тесное знакомство с Григорьевичем, Плещевым, Полонским, Лесковым, и о последнем А. П. писал брату:

«С Лейкиным приехал и мой любимый писака, Н. С. Лесков. Ходил с ним в Соболевские вертепы. Дал мне свои сочинения и факсимиле. Еду однажды с ним ночью. Обращается ко мне полупьяный и спрашивает: «знаешь, кто я такой?»

— Знаю . . .

— Нет, не знаешь! . . . я мистик.

— И это знаю. — Таращит на меня свои старческие глаза и пророчествует:

— Ты умрешь раньше своего брата . . . Помазую тебя елеем, как Самуил Давида. Пиши.

Этот человек похож на из-

ящного француза и в то же время на попа расстригу.

#

У Чехова был нескромный водевиль запрещенный цензурой, под названием: «Бритый секретарь с пистолетом». В этом водевиле была выведена редакция журнала с двухспальной кроватью.

По ходу действия один из сотрудников принес для напечатания бездарное стихотворение и Антон Павлович сочинил специально бездарное, в котором четыре раза должно было повториться слово «стремглав».

Прости меня, мой ангел белоснежный,

Подруга дней моих и

идеал мой нежный,

Что я, забыл любовь.

стремглав туда бросаюсь,

Где смерти пасть . . . О

ужасаюсь.

В могильный склеп с груди

горячей

Убитый, раненый, лежащий, Стремглав я падаю . . . Не

плачь, прости.

Все птицы будут петь и

розовы цветы

Над свежесрытой могилкой,

куда меня злой рок опустит

Тогда поймешь, как я страдал

Как я любил свой идеал.

Над ней стремглав взойдет

моя идея

Во образе цветов, ланды-

шей, роз приятных..

Тогда по повеленью тайны

непонятной

Из гроба буду я стремглав

вставать ночами

И, отравясь цветов благо-

уханьем

Как чудной девушки люб-

заньем

Уйду обратно в гроб с про-

слезенными глазами..

«Последняя строчка не-

сколько тяжеловата, — го-

ворит редактору герой воде-

виль, но ведь главное, умение

прочесть».